

Екатерина ГИЛЕВА

*

Я вижу сны, которых проще – нет:
Цветы и птиц, и облако над домом,
И яблоню, и крышу, и тебя,
Мой самый дорогой и незнакомый.

И каждый день проходит точно век,
Такой тяжёлый, медленный и странный,
Как три войны, два срока за побег
И пулемёты африканским странам.

*

Третий год пошёл, как бабушка умерла.
Все стихи, что есть – все о ней, о ней и о ней.
Если птицы тень на земле – это тень орла,
Значит ночи тень на воде – это божий день.
Значит, клевер цветёт в лугах и уже пророс
Безымянный цвет полевой и стоит, дразня.

Заходил на чай от забот отдохнуть Христос,
«Есть, – Он сказал мне, – бабушка и у меня».
Есть, он сказал мне, там, где дома святых,
Вечное Царствие Бабушек и Цветов,
Вечное Царствие Ландышей, где кресты
Лишь затем стоят, чтобы стать основой основ.

Вечные Бабушки пляшут и ждут гостей.
Хлеба всегда там полные закрома.
У Бабушек лето, когда над землёю всей
Только зима с зимою и вновь зима...

Вечные Бабушки молятся обо всех,
В Бога не верят, но он им это простил.
«Знаешь, – сказал Христос, – что такое «грех»?
Это писать о них и жалеть чернил».

*

О. Далю, В. Губе и мне

Последнее солнце слетает с ресниц сентября.
Хозяин тропинок на ухо шуршит о грядущем.
Стоит над утиным болотом живая заря,
Как в церкви, и даже почище,
чем в церкви, попуще.

Рассвет, суматоха, и скалятся небыль и быть.
Ворона кричит, что, конечно, умрёт от чахотки.
И небо синее, и в сердце – крошечная стыль,
И хочется в степи, а если не в степи, то – водки,

Затем, чтобы выжить в какой-то
невнятной хандре,
Затем, чтоб не сдохнуть от отдыха и от работы...
Последние листья слетают с моих сентябрей –
Последнее солнце далекой утиной охоты.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Домик с окнами на закат.
Домик с окнами на рассвет.
Где ты, мой долгожданный брат?
Где ты, мой негасимый свет?

Пахнет осень сухим листом,
И, под первый снег с головой,
Сумасшедшие строят дом,
Чтобы крышу крыть в рождество.

И дивится честной народ,
И стоит, озлоблен и нем,
Корабли, набирая ход,
По Оби плывут в Вифлеем.

И ложатся к снегам снега,
И ложатся листы к листве.
Домик с окнами на закат.
Домик с окнами на рассвет.

БЫТЬ БЫ ЛИСТОМ...

Быть бы ничем
или увядшим листом
в руках Коломбины
на каменной площади в маленьком шапито,
чтобы худая лошадка где-нибудь в стороне
грустно мечтала о сене и,
в частности, обо мне,
чтобы чумазый зритель, добрый смешок хороня,
был осчастливлен мною, но
не замечал меня,
чтобы премудрый мальчик, который любит одно
под небом Христа и Лазаря белое полотно,
молча глядел и думал, и не понимал урок,
для древа или для сцены Бог создал
сухой листок?

...и чтобы после спектакля моя Коломбина легко
прошла по мне маленькой туфелькой
с остреньким каблучком,
чтобы чумазый зритель, счастье в сердце храня,
просто плюнул на землю, случайно попав в меня,
чтобы премудрый мальчик смеялся своей весне,
радостно гладил лошадку и позабыл обо мне.
...и чтобы только лошадка, внешний храня покой,
смотрела на то, что осталось, с жалостью и тоской,
чтобы в глазах лошадки просто при свете дня
запечатлелись навечно небо и часть меня.

*

В 30 лет очень страшно любить.
Лёжа на одном диване, мы двое –
маленькое кладбище брошенных кораблей.
Не говори мне о дальних странах, в которые нам
уже не попасть.
Спрячь от меня своё сердце юнги, смешное и хрупкое,
я хочу позабыть его трепет
и запах солёного ветра, и песни дельфинов...
Под гниющей обшивкой ещё стучит
мальчишеское сердце седеющего капитана.
Он никуда не ушёл, доживает на вечном причале.
Его ужин – объедки случайных историй,
чужих странствий, похожих на тёплых
и очень хороших женщин,
которые утром уходят затем, чтобы больше
к тебе не вернуться.
«Когда-нибудь», «может быть», «мы созвонимся потом»
– вечное послезавтра...
У капитана кот и бутылка рома.
Не говори мне о том, что из двух гнилых кораблей
получаются крепкие лодки.
Не так страшно стоять на вечном скрипучем причале,
как страшно,
ещё раз узнав трепет ветра и песни дельфинов,
опять возвратиться на вечный причал
слушать, как годы о палубу тихо стучат...
Твои поцелуи пахнут солёным ветром.